

МАЮЧАЯ ЕЛЕНА

«Потерялся папа»

Я долго думала, стоит ли рассказывать эту историю. Вдруг не поверят или, хуже того, будут смеяться? Но потом все-таки решилась. Через много лет. Может кому-нибудь она пригодится.

У меня потерялся папа. Я вообще-то все постоянно теряла: носки, ключи, дневники с домашним заданием, сдачу. Но папа потерялся сам. Давно. Настолько давно, что я о нем ничего не помнила. Восемь лет я жила без него, с мамой. С ней конечно было бы здорово, если б не ее характер. Она очень упрямая. И страшно занятая: ведь у нее и работа, и диссертация, и даже ужасная «халтура», которая постоянно пожирала время. Днем «халтура» отлеживалась в стопках бумаг и каких-то отчетах, а по ночам, когда я уже спала, вылезала и оттяпывала от времени здоровенные куски. Время ведь глупое, нет, чтобы спрятаться получше: под диван или за холодильник. Но оно продолжало сидеть в больших настенных часах. Каждую ночь «халтура» откусывала от времени ровно столько, сколько требовалось маме на меня, и с этим ничего нельзя было поделать. Впрочем, мамино время не хватало не только мне. По воскресеньям и праздникам звонил какой-то Горшков и приглашал маму то в кино, то в кафе, но она всякий раз отказывалась: – Некогда. Работа, Майка... Нет, и на следующей неделе не смогу... Нет, не объявляйся, и не напоминай мне о нем. Ну, пока.

– Опять Горшков? – интересовалась я.

– Опять, – вздыхала она.

– А почему не пошла?

– Не к чему все это. И вообще, хватит подслушивать!

– Да я и не подслушиваю, больно надо!

И это было чистой правдой, потому что в те годы меня занимало только два вопроса: когда мама перестанет тащить домой «халтуру», и куда делся отец, а неизвестный, но настойчивый человек по фамилии Горшков меня не волновал. Дело в том, что у всех были папы: у одноклассников, у ребят со двора, у девчонок из «танцевального». У всех. Такие разные папы: красивые и так себе, в военной форме и в майках, строгие, веселые... Но, главное, были. А у меня нет. И я считала это совершенно несправедливым. Я часто спрашивала у матери:

– Где мой папка?

Она или просила не путаться под ногами, или отвлекала какой-нибудь ерундой типа «почисть картошку», или хмурилась и отвечала:

– Потерялся.

– А ты искать пробовала? – не унималась я.

– Бесполезно, – махала рукой мама.

– Плохо искала, – предполагала я.

– Хватит молоть чепуху, у меня еще дел по горло! – злилась она и переходила в наступление. – Покажи-ка лучше дневник, давно я туда не заглядывала.

– И совсем не давно, а два дня назад. Ничего там нового нет, – и спешно ретировалась на улицу, потому что в дневнике скрывалось много нового, но ни черта хорошего.

Во дворе было дрянно, там ближе к вечеру появлялись папы, к которым бежали навстречу мои друзья по салкам и «штандеру». Они брали отцов за руку и просили на булочку или на мороженое, а потом возвращались с такими глазами, что мне хотелось непременно выиграть, чтобы хоть немного омрачить их настроение. Но это удавалось нечасто, поэтому я приходила домой не в духе, хмурая и наотрез отказывалась есть.

– Вся в отца! – качала головой в таких случаях мать. – Вечно без аппетита и такой же скверный характер.

– Правда похожа?! – радостно спрашивала я. – И глаза как у папы? Такие же голубые?

– Вылитая! – заверяла она и насильно кормила ужином.

А потом, ночью, когда «халтура» занималась временем, он мне снился. Сидел за столом на нашей маленькой кухне, вяло ковырял вилкой рыбную котлету и смотрел на меня голубыми глазами. Точно такими же, как у меня.

И так он, скорее всего, и остался бы только в моем воображении и никогда не шагнул из сна, чтобы взять меня за руку, если бы не стечение обстоятельств. Вот какое. В октябре у нас заболела классная. На замену ей пришла Вера Константиновна – злющая, абсолютно не понимающая шуток, и, естественно, не подозревавшая, что мой папа потерялся давным-давно. А шутка, между прочим, была что надо: если хорошенько натереть доску хозяйственным мылом, то пока не отмоешь, ничего не напишешь. С минуту она извлекала из мела вместо букв противный скрип, а после безошибочно угадала зачинщика. Меня. Потому что я громче всех смеялась.

– Я желаю побеседовать с твоим отцом. Если до пятницы он не появится, зайду к вам домой, – пообещала Вера Константиновна, выводя красной пастой послание в дневнике.

Оставалась надежда, что со дня на день выздоровеет классная, и тогда позорную запись «безобразное поведение... не успевает по нескольким предметам ... мыло,

наверное, принесла с собой...» можно будет просто ликвидировать, выдрав страницу из уже и без того отощавшего дневника. Но учительница, видимо, прочитала мои мысли:

– Алла Николаевна вернется к концу месяца, надеюсь, это твоя первая и последняя попытка сорвать урок. Садись. Итак, продолжим...

Я очень-очень старалась исправить положение: тянула руку и делала умное лицо, но она не обращала внимания, а когда прозвенел звонок, напомнила:

– Майя, до пятницы!

Это было ужасно! Я представила Веру Константиновну у нас дома, а потом маму, откладывающую в сторону «халтуру» и говорящую: «Ну что ты за ребенок?! Тут бьешься как рыба об лед, а ты – доску мылом!», и у меня покатились слезы. «И в «танцевальный» больше не позволит ходить», – почему-то решила я, пока брела из школы. – «А в четверг у меня как раз первое выступление. «Берлинская полька». И костюм уже сшит». В общем, до конца света оставалось три дня. Выход виделся один – найти папу. Другого не было.

А искать я могла лишь единственным способом – написать объявление. Я видела множество таких объявлений на столбах и на подъездах: «Потерялся щенок...», «Утеряна дамская сумочка...», «Ушел из дома и не вернулся...». Поначалу хотела так: «Ушел из дома и пока не вернулся папа...», но потом вспомнила, что мама говорила «потерялся» и написала правду. Часа через два у меня было несколько десятков одинаковых листков со следующим содержанием:

«Потерялся папа. Очень похож на меня. Глаза голубые. Аппетит плохой. Характер скверный. Срочно. Тел. 6-34-57».

Дело оставалось за малым – расклеить объявления и ждать звонка. В том, что отец найдется, я не секунду не сомневалась. «Вот прочтет и сразу же поймет, как мне нужен. Главное, чтобы до пятницы успел», – подбадривала я себя, щедро поливая бумагу клеем и изо всех сил прижимая заветные листы рядом с другими. Домой вернулась затемно – хотелось охватить как можно большую территорию.

– Где ты шляешься?! – ругалась мама.

– Где, где! В «танцевальном»! У нас же в четверг концерт. Придешь? – ловко выкрутилась я.

– Постараюсь. Во сколько?

– В пять.

– У меня как раз консультация...

– У тебя вечно что-нибудь! – я сделала вид, что обиделась и прошмыгнула в комнату.

А через несколько минут зазвонил телефон.

– Возьми! Если Горшков – меня нет, – крикнула мама.

- Слушаю, – сняла я трубку.
- Это Майя? – спросил простуженный мужской голос.
- Да, – у меня затряслись руки.
- Это папа. Прочитал вот твое объявление и решил позвонить. Ты писала «срочно». Что-то случилось? Как там мама?

Я отчаянно жестикулировала и прыгала на месте, но от счастья не могла вымолвить ни словечка.

- Что-то случилось? – повторил он.
- Да, – еле выдохнула я.
- Что?

Я снова замолчала.

- Кто это? – поинтересовалась мама. – Меня?
- Нет, нет, – торопливо ответила я. – Это Витька, спрашивает, что задали.
- Тебе неудобно разговаривать? – догадался отец. – Давай завтра встретимся у «Гастронома», часика в два. Тогда все и расскажешь.
- Хорошо, – шепнула я. – А ты точно мой папа?
- Безусловно. Ну так что, в два? Придешь?
- Да. А ты меня узнаешь?
- Конечно. Мы ведь очень похожи, – успокоил он. – Значит, до завтра.
- До завтра...
- Трубку-то повесь, заснула что ли? – через пару минут напомнила мать.

Весь остаток вечера я думала о человеке с хриплым голосом и о том, что надо бы признаться маме, но так и не решилась, потому что непременно всплыло бы и школьное недоразумение, а это в мои планы не входило.

На следующий день я умудрилась получить сразу три двойки. Суммы получались неверные, буквы заваливались в разные стороны, недавно выученный стих наотрез отказался вспоминаться. Зато за окном происходили настоящие чудеса: у голубя отвалились крылья, и появилась человеческая голова – папина, он сидел на ветке и весело напевал: «В два у «Гастронома»». Какая уж тут учеба?!

Стоит ли говорить, что на встречу я пришла за час до назначенного времени. Ходила туда-сюда, делала вид, что пинаю мокрые листья, а сама потихоньку вглядывалась в лица прохожих. От волнения сердце мое билось не в груди, а где-то в горле, приходилось судорожно сглатывать, чтобы вернуть его на место.

Он пришел ровно в два и оказался очень даже ничего, в смысле высокий и симпатичный, но ни капельки не похожий на меня.

- Привет, Майя – и протянул сладкую вату. – Это тебе.
- Спасибо, – ответила я. – У тебя глаза не голубые. Ты точно мой папа, не ошибаешься?
- Они раньше были голубые, а потом стали серые, совсем недавно. Не сомневайся, я точно твой папа.
- А характер у тебя скверный? – чтобы отместить все сомнения, спросила я.
- Наисквернейший! – заверил он. – Ну, куда пойдём?
- Давай в парк, – предложила я.

Мы гуляли по дорожкам, смотрели на фонтан, в котором уже не было воды, на застывшие до следующего лета карусели и разговаривали. Я рассказала ему все-все: про двойки, про доску, про мамину «халтуру», про свое первое выступление, на которое никто не придет, и про то, как тяжело последнее время играть во дворе.

- Во сколько у тебя концерт? – спросил папа.
- В пять.
- В пять я совершенно свободен, если пригласишь, приду.
- Правда?! – не поверила я. – Конечно же приглашаю! И в школу сможешь?
- Да. Говоришь, она злющая, эта Вера Константиновна?
- Очень. Я боюсь ей маму показывать, она потом наверняка будет плакать, – не моргнув глазом, выдала я.
- Это совершенно недопустимо, маму нельзя расстраивать. Я сам поговорю с твоей злокой. Тем более ты не специально...
- Вообще-то специально, – призналась я.
- Ну, с кем не бывает. Разберемся, – подмигнул он. – Хочешь мороженое?

На самом деле, я не любила мороженое, как и сладкую вату, но сказала «хочу».

- А себе почему не взял? – набив рот пломбиром, спросила я.
- Горло болит. Да и вообще, я мороженое не очень.

«Мама права: я – вылитая отец. Вот вырасту, и у меня будут серые глаза» – размышляла я, вкладывая ладошку в горячую папину руку.

- А почему ты потерялся? – решила выяснить я, уже стоя у своего подъезда.
- Понимаешь, мама...
- Я так и думала! – выпалила я, прекрасно зная мамин характер. – В четверг, после пятого урока. Не забудь, – и побежала домой.

Матери я опять же ничего не рассказала. «После концерта придем с папой вместе, тогда и поговорим», – заключила я договор сама с собой. – «А то поругаются сейчас, и он снова потеряется, или будет звонить, как Горшков, и предлагать куда-нибудь сходить, а она ни за что не согласится. Она же упрямая».

Кто бы мог подумать, что в самый обычный четверг выдается столько счастья. И было совершенно неважно, что про меня поведала отцу Вера Константиновна, наверняка одни гадости. Важно то, что папа вышел из кабинета улыбающийся и не стал кричать, не стал называть меня бестолочью, а просто сказал:

– Ну ты даешь! Мама, действительно, расстроилась бы. Обещай, что больше не будешь так делать.

Я пообещала. И больше так не поступала, по крайней мере, доску мылом не натирала.

А вечером папа был на концерте. Я танцевала первую в жизни польку и улыбалась только ему. От нахлынувших чувств ноги несколько раз выдали двойное количество «берлинских» кренделей, а руки вместо того, чтобы спокойно держаться за талию, размахивали в разные стороны.

– Да что с тобой такое? – спросила хореограф за кулисами. – На кого ты все время смотрела в зале?

– На папу. Вон тот, видите, в коричневом костюме, – показала я.

– У тебя же нет отца, – удивилась она.

– Просто он потерялся, а на днях нашелся, – объяснила я.

После концерта папа ждал меня в фойе.

– Ну как?!

– Здорово. Только по-моему немного торопилась, – заметил он.

– Было дело, – согласилась я. – В следующий раз постараюсь не спешить.

А через минуту прибежала очень взволнованная мама. Оказывается, ей позвонила хореограф и сообщила, что я пришла с каким-то мужчиной, которого называю отцом, а в наше время, мол, всякое случается.

– А, Горшков, это ты. Что ты тут делаешь? – спросила мама.

– Да вот смотрел, как Майя танцевала.

– Почему я об этом не знаю?

– А ты вообще многого не знаешь. Все сидишь, сидишь за своей работой и не видишь, что происходит с дочерью.

– Ты меня еще поучи как жить! Посмотрела бы, как ты один ребенка растишь! – разозлилась мама.

– Да кто тебе в голову вбил, что ты должна ее одна растить?!

Я еще не совсем поняла, почему Горшков оказался моим папой, но решила вмешаться:

– Почему бы вам меня вдвоем не растить?

– Ты думаешь это так просто? И потом, чего тебе не хватает? У тебя все есть, – ответила мать за меня.

Папа достал из кармана мое объявление:

– Вот чего ей не хватает.

Мама прочла и спросила:

– Ты что, сумасшедшая, такое написать?!

– Я просто хотела... – хлюпнула я носом и уткнулась папе в руку.

– Она хотела найти отца. И нашла. Я не мог пройти мимо, когда увидел, как твоя... моя дочь это расклеивает, – и прижал меня к себе.

– Вы оба сумасшедшие, – сказала мама. – Что мне с вами делать?

А потом мы пошли домой, втроем. Я держала их за руки и наконец-то сообразила, отчего не узнала Горшкова по голосу. Он ведь был простужен.

– Почему раньше не сказал? Ты же каждое воскресенье звонил, – спросила я папу, уже лежа в кровати.

– Да вот не знал: нужен я тебе или нет.

– Нужен. Очень-очень.

Сквозь сон я слышала, как они разговаривали на кухне, и как мама обещала «попробовать». Конечно надо было еще вышвырнуть прочь «халтуру», но теперь, когда нашелся папа, это казалось таким легким.